
Соловьёв-Несмелов

Чудная снежинка

Поёт и жалобно стонет осенний ветер. Угрюмо смотрит почерневший лес; потерял он свою роскошную зелень: не слышно в нём ни пенья голосистых птичек, ни весёлого жужжания неугомонных насекомых. Присмирел старина, примолк, пригорюнился.

Печально смотрят обширные поля, так недавно тонувшие в золотистом море полных колосьев или дремавших под мягкой изумрудной травой, а теперь — увы! — они голы, обнажены...

Зябнут малютки-зёрнышки, лёжа в холодной, ничем не прикрытой земле, дрожат беззащитные бедняжки. Холодно, холодно сиротинкам! С болью сжимаются от суровой стужи; со страхом прислушиваются малютки к унылому завыванию ветра и боязливо жмутся друг к другу, стараясь сколько-нибудь согреться... Но напрасны эти усилия малюток-зёрнышек — так им не согреться...

Но вдруг что-то ослепительно-белое замелькало, замелькало там, высоко в воздухе, закружилось и стало спускаться на землю. Это прелестное что-то тихо опускалось на продрогшее поле, нежно наклоняясь над застывшими малютками-зёрнышками, — теплота разлилась по сердцу земли.

И посыпались белые крупинки с прозрачных кудрей чудного видения, и пошло оно гулять по полю, расстилая густым слоем свой мягкий, нежный, белый плащ. Тепло стало малюткам-зёрнышкам под белым плотным покровом.

Согрелись бедняжки-сиротинки и почувствовали, что им хочется спать, как хочется спать утомлённому ребёнку, когда он уже улёгся и совсем вытянулся на своей постельке под мягким одеяльцем.

Задремали, заснули малютки-зёрнышки и видят себя во сне в прекрасном зелёном платье. И всё заснуло тогда: заснули горы, поля и леса, заснули реки под ледяной корой — заснула вся земля...

А в этом заколдованном сонном царстве зимы чудное виденье всё ещё неустанно ходит по белому уже полю, расстилагает свой неизменный плащ и, потрясая кудрями, щедро рассыпает мелкие алмазные крупинки, — и земля всё больше и больше согревается от этого шествия и больше дремлет, дремлет.

Блестящими звёздочками носятся в воздухе кусочки этого плаща, одна за одной

порхают и друг за другом ложатся они, прижимаясь плотнее; а белое прозрачное виденье, плавая в пространстве, поёт ласковым голосом над заснувшими малютками-зёрнышками свою нежную колыбельную песенку:

— Баю-баюшки, баю! Сладко спите, отдохайте, крошки милые мои! Горя-холода не знаете... И добром вы вспоминайте внучку дедушки-мороза, бабушки-зимы... Баю-баю, баюшки-баю! Спите, почивайте крошки малые мои! Я укрою, я согрею, крепко усыплю, рой видений вам пошлю! Спите, сил вы набирайтесь!... Баю-баю, баюшки-баю!..

И зёрнышки-малютки, согревшись, крепко спят под песни царицы снегов, рассыпающей направо и налево свои пухлые снежинки; она сторожит их во все зимние морозы, закрывая всё больше и больше своим богатым снеговым плащом; что ни день она спускается с звёздного трона и то тихо, неспешно обходит снеговые владения свои, то непроглядной метелью несётся в ледяной колеснице на бурных беспокойных ветрах, тогда звери уходят в берлоги, и человек находит спасенье лишь у печи, камина... Одним зёрнышкам малюткам тепло и сладко дремлет от этих прогулок всесильной царицы.